

А. А. Гончарова
МИФОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР НА СТРАНИЦАХ КНИГИ В. М. ТЮШОВА
«ПО ЗАПАДНОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ КАМЧАТКИ»

Книга В. Н. Тюшова «По западному побережью Камчатки», с точки зрения жанра, представляет собой цикл путевых очерков. Сам же автор называет ее «Записками». Но эти записки производят впечатление большого научного труда, написанного со знанием дела и особым, внимательным отношением к тем сторонам действительности, которые попадают в поле зрения путешественника.

Фольклорно-мифологический материал, представленный на ее страницах, имеет несомненную научную ценность. Ученый понимал важность всего услышанного из уст камчадалов, о чем он сообщает в своих записках: «Полагая, что сказаний, поверий и вообще чего-либо позволяющего судить о мировоззрении камчадалов до сих пор очень мало, я пользовался всяким удобным случаем, чтобы по возможности больше получить сведений в этом отношении, и поэтому записывал, повторяю, решительно все, убежденный в том, что из всего записанного можно будет кое-что выбрать интересующемуся лицу нужное для каких-либо выводов относительно этого исчезающего народца. Старался записывать, по возможности, дословно, сохраняя строй фразы и выражения» (2, с. 272).

Содержащийся в книге В. Н. Тюшова фольклорно-мифологический материал достаточно разнообразен, но все же возможно провести его жанровую классификацию с учетом синкретичности жанров, присущих культуре бесписьменных народов. Здесь представлена сказочная и несказочная проза, этиологический миф «Девочка на луне с деревом» – сюжет, известный многим народам, например айнам, негидальцам, но у каждого народа свои варианты этого мифа, устный рассказ, близкий этиологическому мифу «Почему убивают муравьев». Мифологические сказки о Кутхе и его семье дополняют уже известные сюжеты о его проделках, любовных похождениях. Камчадалы рассказали В. Н. Тюшову и три сказки о Кутхе, которые сложились в цикл, – это сказки, среди главных персонажей которых сестра Кутхи – шаманка, которая часто выручает своего брата из трудных ситуаций. Подобные сюжеты нам не известны, ниже мы остановимся на них подробнее.

Здесь есть и мифологические рассказы, контаминированные со сказкой, о Кутхе-Пихлаче-Пиллячуче, который «прельщает» охотников, задавая им едва выполнимые задачи, но может зато «наградить большими богатствами и удачей на охоте» (2, с. 247). Известные мифологические сюжеты о братской дружбе медведя и человека, вероятно, относящиеся к тотемическому культу, топонимические предания, предания о силачах и войнах, рассказы о жертвенных местах, обычаях – все это найдем на страницах книги путешественника-ученого. Дополняют этот материал и сведения о народной медицине, устные рассказы о жизни и быте камчадалов, например, удивительный рассказ столетнего старика Ивана Семеновича Павлуцкого. Он строится по особому народному канону: как раньше было, как живут сейчас и что будет. Его мечта о великом человеке, который придет, связана с русским царем, «который происходит от Бога, и сам, как Бог, будет все знать, и тогда нечего будет бояться камчадалам, и русские не будут обижать их и сердиться, а будут жить, как с братьями своими все равны...» (2, с. 290).

Как видим, фольклорно-мифологический материал, содержащийся на страницах книги, разнообразен и богат. Автору был хорошо известен труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», и ученый неоднократно ссылается на него, сравнивая услышанное из уст камчадалов с тем, что было зафиксировано Крашенинниковым.

В. Н. Тюшовым записаны предания о силачах и столкновениях, которые бытуют среди народов Камчатки. Подобные сюжеты дошли и до нашего времени. Четыре сюжета о Хальхинту складываются в цикл преданий о столкновениях («войнах»).

Обратимся к первому из них: «Хальхинту самый славный тойон и воин, старший или начальствующий над всеми острожками по реке Иче. Он был такой удалой и вёрткий, что мог отвёртываться от всяких стрел. Многие к нему приходили и снизу, и сверху, и из Камчатки, а никто не мог стоять с ним. Вот приходят к нему войной...

Он их и напоит, и накормит, потом и спрашивает: “Ну, на что же вы пришли ко мне? Ну стреляйте же теперь!” Те и начнут его со всех сторон стрелять-то из луков-то, а тот со своим луком только отмахивается. Потом и начнет стрелять! Те это видят, что он, подпрыгивая, отвертывается, тоже начнут так делать, да где ж им! Он их и начнет спаривать (= стрелять, сдваивания парами), ну, он их до того и добьет, что только двое останутся: потом и говорит: “Ну, что же? Вы пришли войной, теперь подите домой двое, а то по другому скучно будет”» (2, с. 272–273).

Поименование героя – важнейшее качество предания: это примета достоверности, основного жанрового признака. Несомненным доказательством существования такого человека есть указание на географические места (тойон, старший над всеми острожками по р. Иче). Тем самым рассказчик убеждает слушателя (сам он в этом не сомневается), что события, о которых идет речь, подлинные.

Как видно из приведенного выше примера, сила и ловкость героя проявляются в столкновениях («войнах») с чужими, которые здесь этнически не обозначены. Однако указывается на места, откуда приходят «войной». И здесь главное не то, кто эти «чужие», приходящие, а утверждение (через обозначение пространства), что герой-силач остается всегда непобежденным.

Все приведенные рассказы о тойоне, войне и силаче строятся по одной сюжетной схеме. Предание как жанр не тяготеет к разнообразию мотивов и версий, тем более, что речь идет об одном типе сюжета. Приведенные «случаи» из жизни героя составляют его героическую биографию. Каждый «случай» – это столкновение Хальхинту с «войной», с «чужими», как и в корякских преданиях, которые известны по другим источникам, при описании столкновений даются «стандартные эпизоды». Внимание рассказчиков сосредоточено на том, каким образом герой побеждает. Как видно из текста, Хальхинту проявляет «вертность» и хитрость. Формы проявления хитрости и составляют комплекс «стандартных эпизодов». В первом рассказе мы видим, что он усыпляет бдительность «чужих» («напоит», «накормит»), а затем просит их начинать стрельбу.

Однако здесь нет того коварства (обмана) по отношению к врагам, о котором пишет С. П. Крашенинников в главе «О военном камчатском ополчении» (2, с. 272).

Предание сосредоточено на другом. Смысловый центр его – описание ловкости героя, он, подобно русскому богатырю, как будто заговорен от стрел. В таких описаниях проявляется поэтический вымысел, что не должно приниматься за правду.

Хитрость, обман врага – допустимая форма поведения с точки зрения нравственности любого народа. Внезапное нападение на «чужого» нередко встречается в подобных типах сюжета. Так, во втором предании говорится: «И его хотели войной окружить; он узнал, откуда его хотят “скрадывать”, и сзади пополз, а у него был в руках большой молот из комля оленьего рога, и этим молотом, подкравшись сзади, сразу убил человека, который полз позади всех, и пополз тоже за ним, и помаленьку начал всех убивать, пока их не осталось только двое» (2, с. 273).

Насмешка героя над врагом, как в этом предании, указывает на его всесильность, непобедимость. Оставив в живых только двоих, он издевается над ними: «Ну, что же вы? Если хотите меня убить, тогда полднее собирайтесь». И проявляя щедрость, приглашает их обедать, так будет и в других вариантах.

Заметим, что в преданиях о войнах, как и в нашем случае, всех врагов не убивают. Оставшиеся в живых являются свидетелями силы, ловкости и непобедимости героя Хальхинту.

Особая сила героя проявляется в том, что врагов он не по одному убивает, а «по два, по три, по четыре».

Как и подобает в преданиях народов Севера, герой-силач – хороший удачливый охотник. Вот начало одного из вариантов:

«На устье Ичи есть высокая гора Ка’к-ын песчаная. Хальхинту ходил там за охотой за оленями. Он добыл бык жирной и в юрту пришел, и узнал, что война пришел. Темнеть стало» (2, с. 274).

Работая с текстами корякских преданий, мы уже приводили «стандартные эпизоды», когда герой обманывает врагов, сделав чучело, которое они принимают за него. И в этом варианте воспроизведен такой же эпизод. Хитрость героя вновь сработала безошибочно.

Из всех вариантов преданий складывается образ героя Хальхинту как защитника своего места, действительно непобедимого воина-силача.

В основе поэтического вымысла идеализация «своего», приемы идеализации обусловлены типом сюжета. В преданиях о войнах это описание силы и непобедимости героя. Из любых ситуаций Хальхинту выходил победителем. Не случайно «рассказ о герое имеет такой финал: Так он и состарился: никто его и убить не мог. Когда Хальхинту умер, с Паллану приходил боец и всех ухлопал воинов, только двоих оставил у одной старушки и велел их выкормить, чтобы потом с ними повоевать, когда они вырастут проворными (“сильными”»)» (2, с. 277).

И дальше приводятся сюжеты о других героях, которые не называются по имени. В одном из них история братьев, как они становятся силачами и побеждают паланского воина. Заметим, что это предание интересно особой контаминацией: первая часть – обретение силы героем, становление его как силача и будущего воина. А вторая – столкновение с врагами и полная победа.

Необходимо отметить, что в указанных сюжетах приводятся такие версии мотива силы, как обретение ее через тренировки в поднятии тяжестей (ломают деревья), в поединке с животными (медведями), в беге на дальние расстояния. Эти версии содержатся и в преданиях других народов Севера, включая и Русский Север.

Этот цикл преданий заканчивается комментариями автора записок. Разумеется, В. Н. Тюшов не исследователь фольклора, но трудно представить, чтобы он мог воспринять эти рассказы о силачах и войнах как действительное событие, на что указывают его следующие комментарии: «Приведенные рассказы, как о томъ может всякий судить, лишены какого бы-то ни было поэтического вымысла и не блещут ни выражениями, ни слогомъ, и темъ не менее они заслуживают, какъ мне кажется, некотораго интереса въ томъ отношении, что ими подтверждаются сведения, приведенныя первымъ исследователемъ Камчатки, Крашенинниковымъ, въ главѣ “о военномъ камчатскомъ ополчении”» (1, с. 62).

В. Н. Тюшов воспринимает эти предания как исторический источник, хотя и весьма своеобразный.

В зафиксированных автором фольклорных текстах можно заметить и такую особенность, как связь с фольклором других народов. Так, камчадалы рассказали путешественнику известную русскую сказку «Жар-птица». При этом она оказалась контаминированной и с другими волшебными сказками. Сами рассказчики понимали, что сказка пришла к ним от «русских», как и многое другое. Но включение в ее содержание бытовых деталей этнографического характера сближает данную сказку с фольклором камчадалов.

Следует обратить внимание на то, что в мифологических сказках о Кутхе отчетливо проявляется «семейный стержень» этих сюжетов. Здесь упоминаются его дети, родственники, например, сестра-шаманка. Одна из сказок так и начинается: «То же ни один Кутх...» (2, с. 279), далее перечисляются все его родственники. В сказку включены и другие жанры: части обрядов, приметы, улавливается связь этих сюжетов с сюжетом «облачные люди».

Записи В. Н. Тюшова представляются нам аутентичными, мы не заметили здесь следов обработки фольклорного материала, его редактирования. Ценными являются и комментарии автора «Записок», которые складываются в контекст. Он всегда указывает, где и когда записывался тот или другой текст. Мы видим, что В. Н. Тюшов умеет «разговорить» собеседника, проявляя к нему уважение и такт. Значительными представляются нам и комментарии, указывающие на отношение говорящего к своему сообщению: «Это так старые люди сказывали... Это сказывают старые, конечно люди, а мы нонче ничего этого не знаем, да и не верим» (2, с. 272). Имяются в тексте и собственно комментарии, то есть авторские рассуждения по поводу услышанного, а также отдельные пояснения.

Все вышесказанное свидетельствует о значимости данного фольклорного материала, что дает его использовать в научных целях.

1. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. В 2-х т. СПб. : Наука ; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994. Т. 2. С. 62–71.

2. По западному берегу Камчатки В. Н. Тюшова // Записки императорского русского географического общества по общей географии. Т. XXXV, № 2. СПб., 1906 . С. 272–290.

А. А. Горбач **ПОСЕЛОК ИСКАТЕЛЕЙ «ЧЁРНОГО» ЗОЛОТА**

Продолжая серию публикаций об исчезнувших в прошлом столетии населенных пунктах Камчатки, автор освещает историю поселка Богачевка, расположенного в Кроноцком заповеднике.

Задолго до появления поселка охотники из Петропавловска – Воронов, Скурихин и Трухин «обнаруживают» там естественный выход нефти. Слово обнаруживают взято в кавычки, т. к. река уже именовалась Богачевкой по фамилии охотника, имевшего в том районе несколько избушек (землянок). Несомненно, ему был известен источник нефти, однако он, хорошо зная последствия находки полезного ископаемого в своих охотугодьях, предпочел об этом никому не рассказывать.

В 1923 г. на Богачевском проявлении нефти проводит краткосрочные работы геолог Дальгеолкома П. И. Полевой. Петр Игнатьевич Полевой (1873–1938 гг.) геолог ДВГУ, занимался геологическими изысканиями в южных районах Приморья. В 1923 г. руководил экспедицией на Камчатку. В 1924–1928 гг. возглавлял ДВО Геолкома. Был репрессирован, содержался на подконвойных рабо-